

Пластов рисует войну

Предоставляя некоторые из работ военных лет Аркадия Александровича Пластова, позволю себе несколько пояснительных слов о том, как они возникали.

Двадцать больших полотен, десятки портретов, пейзажей, сотни подготовительных этюдов, многочисленные разработанные эскизы на темы войны, фронтовые зарисовки и законченные композиции, привезённые из-под Сталинграда – таков неполный перечень сделанного с 41-го по 45-й год.

Первая работа военных лет – тихий вечерний пейзаж с луной над ложиной за селом. Цвёл шиповник, свирельно кричали иволги... Этюд был написан 22 июня 1941 года. Вернувшись в сумер-

ках, отец узнал, что началась война. Жизнь переломилась, художнику надо было менять свою судьбу. Без колебаний и сомнений были отложены все замыслы мирного времени. Теперь война заполняет его мирные блокноты и альбомы. В первые же месяцы разработаны в эскизах все темы, которые были написаны в 41–45 годах и ныне заняли свое место в музеях.

Собственно, тема была одна: непокорность, неукротимость сопротивлявшейся фашистскому нашествию России. Да иного и

не могло быть: такое восприятие войны рождалось самой грозной реальностью.

... Как сейчас вижу июльский полдень сорок первого с пылающим ярким солнцем в зените над млеющим в зное селом. Помню тревожную суету, подводы с чумазыми трактористами прямо с полей, немалую уже толпу мужиков у сельсовета, рыдающих баб... Часа в три дня вопль стоял во всём селе, уже слышалась надрывной удали песня, уже повторялось всеми непонятное слово, беспощадно и враз разворошив-

Фашист пролетел. 1942 г. х.м. – 138x185. ГТГ

шее жизнь, разрубавшее по живому каждую семью: мобилизация!

В тот день ушло сразу человек полтора. Трактористы, конюхи, плотники, кузнецы и комбайнеры, косцы и пастухи, окружённые ребятишками, бабами и стариками, густо толпились на площади, а с концов всё шли и шли... Председатель, писаря, затянутый в ремни военком с кубарями выбивались из сил, чтобы ускорить отправку, но дело тянулось до вечера: в одночасье не исторгнуть было селу своих кормильцев, не снарядить в дорогу, из которой немногим довелось вернуться. Ни обнять, ни оплакать, провожая в смерть, не успеть было в военкомовские сроки. И когда потянулись подводы с солдатским теперь скарбом, когда огромная толпа заколыхалась и двинулась, заливая ширину улицы, вон из села, потускневшее солнце уже уходило за встающую с запада мглу... Остановившись, медля, миновали последние избы, запыхавшись под сотнями ног старый симбирский тракт, назад со взгорья было уже страшно оглянуться: туча, глухо ворча громами, заняла полнеба, гасила зарю. В последних неясных отсветах покинутая, враз притихшая среди потемневших полей, лежала Прислониха.

Стали прощаться. Помню, как переходил я из одних жёстких мужицких рук в другие. Как дыша вином и самогоном, с мокрыми от слёз лицами, склонились ко мне неожиданно ставшие близкими и родными все эти дяди Вани, дяди Пети, Степаны, Семёны... Как сжимали до хруста ребячьи ребрышки: «Прощайте, сынки, дочки, прощайте!» А бабы выли, отталкивая друг друга, висли на шеях новобранцев, падали с причетами в дорожную пыль. А пьяный гармонист ронял чуб на развернутые в размах меха...

Назад шли с отцом вниз, в тьму, в которой молчало село без единого огонька. Белёсым валом, как бы кипящим, туча накрывала с запада всю долину, в аспидном подбрюшье её вспыхивало мгновенным заревом и близким грохотом сотрясалось небо. Казалось, сама война дотянулась до помертвевшего села. В чёрную не-

Немцы идут. Июль. 1941 год. х.м. – 120х202.

Тульский областной художественный музей

проглядность провалились недавно людная площадь и опустелые избы, старый горбатый мост... В сухих и злых вспышках молний только церковь, сверкнув золотом крестов, вставала мгновенным белым призраком, и опять падал мрак. Из полутора сотен ушедших в эту ночь с войны вернулось человек двадцать – не более. Почти все, кого писал отец в 30-е годы, были убиты.

Какие чувства и замыслы рождала в душе художника Великая народная трагедия, можно проследить не только по его полотнам. Письма тех лет, к счастью, сохранившиеся, живой и взволнованный авторский комментарий к своим работам, страстное слово о долге и месте художника в тяжкую годину Отечества.

Вот один из фрагментов. Речь идёт об известной отцовской картине «Немец пролетел», написанной в 1942 году, принадлежащей Третьяковской галерее. «Осень тогда у нас стояла тихая золотая, удивительно душевная, тёплая, – писал отец. – Я люблю осень, всегда испытываю в это время страшно приятное, особое состояние творческого возбуждения. И вот шло что-то непомерно свирепое, невыразимое по жёсткости, что трудно было даже толком осмыслить и понять, даже при большом усилии мысли и сердца, и что неотвратимо надвига-

лось на всю эту такую прекрасную безгрешную жизнь... Надо было сопротивляться, не помышляя ни о чем другом, надо было кричать во весь голос, чтобы проснулись даже мертвые, чтобы знать, что идет на нас, чтобы все, что имеем, бросить навстречу этому неслыханному зверю... Под влиянием примерно таких мыслей и чувств, общих тогда всем нам, русским, стали у меня зарождаться один за другим эскизы на данную тему и на одном последнем варианте, показавшемся мне наиболее лаконичным и выразительным, я остановился и тотчас принялся писать подготовительные этюды. Эта подготовительная работа заняла у меня недели три. Всё, что изображено на картине, сделано по очень тщательным этим этюдам, работу над которыми пришлось прекратить из-за начавшегося ненастья и холодов. Саму картину я писал только пять дней. Четыре дня она у меня сохла перед тем, как везти её в Москву, где я думал по ней перед выставкой пройти основательнее, но я запоздал с приездом и на другой же день, как приехал, я должен был сдать её на выставку. Картина имела известный успех у зрителя. Сам я её тоже люблю, душевно она очень меня измучила с момента её зарождения в эскизе до её окончательного завершения».

Гость с фронта. 1944 г. х.м. – 120х190. Смоленский государственный музей-заповедник

Драгоценны для меня уцелевшие письма отца на фронт своему другу – художнику Виктору Васильевичу Киселёву. Они сопровождались часто акварельной копией размером с ладонь с больших полотен и служили поводом для обсуждения сугубо художнических проблем.

Трудно сейчас поверить, что мог состояться этот диалог между солдатской землянкой Волховского фронта и промёрзлой в зимние стужи 42–43 гг. московской мастерской. Однако это так. Несмотря ни на что, искусство жило, жило и работало на победу. Война ещё делала своё страшное дело, но после разгрома немецких полчищ на Волге вера в победу уже поселилась в народной душе, уже пела в каждом сердце, мешаясь со слезами по павшим. Этот переход от упорного сопротивления, от стремления выстоять любой ценой к страстному ожиданию победы совершается и в душе художника. В письмах 43–44 годов то тут, то там прорывается это нарастающее чувство, в

последние месяцы оно звучит уже в полную силу. Вот два примера!..

23 января 1945 г. Из Москвы в Прислониху:

«11 ч. ночи. Вот начинаю вам письмо, а всё здание то и дело сотрясается от гулких орудийных залпов. Дребезжат стёкла, вздрагивают стены и каким-то весенним чувством наполняется душа. Вот уже который день (а с Крещенья – по пяти салютов ежедневно!) озаряется Москва блистательными звёздами ракет под раскатистое гроыханье орудийных батарей. До нас когда-то дойдут, да и то с перебоями, великие дела на фронтах. Вот когда я пишу эти строки, до Берлина, этого дьявольского гнезда, осталось 170–180 вёрст от того девятого огненного вала, что неумолимо, неотвратимо катится с нашей стороны. Вся Москва сейчас в возбуждении и ликовании – ведь уже всем становится виден долгожданный, бесконечно желанный час окончательной победы, виден ясно нарастающий с часу на час рассвет великого дня. Боже, помоги нам в эти решающие дни священной борьбы

за счастье человечества. Я представляю сейчас нашу глухую тихую Прислониху, озарённую слабым светом луны. Все спят, и никто-никто не знает, что близок как никогда блаженный миг, когда проснувшись, как всегда, затемно, они вдруг узнают, что наступивший день – это день мира, и сыновья, и мужья, отцы, братья – все, кого пощадила судьба, над кем смилостивился Господь, возвратятся в эту тихую, занесённую снегом Прислониху, к труду и радости жить. Трудно очень, невозможно, пожалуй, передать, какое сейчас на душе чувство».

22 апреля 1945 г. Из Москвы в Прислониху:

«... Главное – это сообщение по радио о том, что наши дерутся на улицах Берлина. Вот до чего дожили. Себе не веришь, когда пишешь эти невероятные строки. Вы подумайте только: на улицах Берлина!!! Весь мир небось затаил дыхание, и у всех на устах преславное, священное имя русское. Нет слов на языке человеческом достойно именовать это племя и его деяния, и в каком-то благоговении го-

воришь себе: вот пришли дни, вот свершаются дела, вот люди, каких еще не было в истории вселенной, и это творят сыны Великой России. Господи Боже, какой ты славой и сиянием венчаешь сей избранный народ! И мы ведь в этом числе, и наши усилия, и наша вера, и наши страдания, и труд, и вдохновение в общем, безмерно тяжком и священном подвиге...»

Близкой победой жило и творчество отца. Уже в 1944 году идёт работа над «Сенокосом». Картина завершалась в 1945 году, но сверкающие изумрудом этюды, блеск солнца, серебро листьев уже заполняли стены мастерской. «Я когда писал эту картину, всё думал: ну, теперь радуйся, брат, каждому листочку радуйся – смерть кончилась, началась жизнь», – вспоминает он в своей автобиографии. Однако торжество жизни не заслонило для отца той цены, которую платило Отечество за вожделенную Победу. Череду военных работ завершает монументальная «Жатва», выставленная одновременно с «Сенокосом».

Суровая простота сюжета, скупой иконописный аккорд красок – коричневые земли, золото охры, киноварь и голубец – серая пелена небес над бескрайним жнивом полей – всё соединилось

Сенокос. 1945 г. х.м. – 193х290. ПГГ

в этом полотне как неожиданное воплощение чрезвычайно важной для художника мысли. «Случай помог мне, – пишет он в автобиографии. – Как-то бродя по ржаному полю, набрёл я на ту приблизительно сценку, какая изображена у меня на картине... В тот же день вечером сделал эскиз в ладонь, на другой день по нему начал рисунки, подкрашенные акварелью... Мотив очень соответствовал моему взгляду на некоторые вещи. Передо мной возникла та упрямая, негибкая Русь, которая в

любом положении находит выход и обязательно решает поставленную историей любую задачу...»

Здесь же, в автобиографии, он как бы подводит итоги военного лихолетия и определяет для себя пути, по которым шёл в последующие годы.

«Кончена война, кончена победой великого советского народа над чудовищными, небывалыми ещё во всей истории человечества силами зла, смерти и разрушения. Какое же искусство мы, художники, должны взрастить сейчас для нашего народа? Мне кажется – искусство радости. Что бы это ни было – прославление ли бессмертных подвигов победителей или картины мирного труда, миновавшее безмерное горе народное или мирная природа нашей Родины, – всё равно все должно быть напоено могучим дыханием искренности, правды и оптимизма...»

Можно с уверенностью сказать: он следовал этой программе, рождённой под победные салюты сорок пятого года. Весь строй его послевоенных картин, размах и сила выплеснутой на них жизни, мощные и неожиданные живописные решения ещё долгие годы несли в себе свет Великой Победы.

Николай Аркадьевич Пластов

Опубликовано в майском номере журнала «Слово» в 1995 году

Жатва. 1945 г. х.м. – 166х219. ПГГ